

И музы не молчали

Я была в Ленинграде во время его 900-дневной блокады, когда на город, с моря и суши окруженный фашистами, падали бомбы и снаряды, жители мерзли и голодали. Дмитрий Шостакович говорил тогда: «До этого я знал лишь мирный труд. Ныне я готов взять в руки оружие. Я знаю, что фашизм и конец культуры, конец цивилизации — однозначны. Исторически победа фашизма нелепа и невозможна, но я знаю, что спасти человечество от гибели можно только сражаясь».

Шостакович писал свою знаменитую Седьмую симфонию, а в местных газетах был помещен портрет великого композитора в пожарной каске: когда начинались бомбежки, Шостакович вместе с другими поднимался на крышу дома и тушил зажигательные бомбы.

Забегая вперед, расскажу, как в августе 1943 года мы слушали впервые исполненную Седьмую симфонию. Большой зал Ленинградской филармонии не мог вместить желающих. Мне казалось, я не только слышу, но вижу музыку: возникали эпизоды блокадной жизни. Тревога. Борьба. Голод. Фашизм. Смерть. Грядущая победа.

Это был необыкновенный день, победа искусства над мраком и разрушением. Командование позаботилось, чтобы концерт не был прерван врагом. Артиллеристы держали под огнем фашистские батареи, которые пытались обстреливать центр города. Дальнобойная артиллерией гитлеровцев вела огонь только три минуты. Выпущенные четырнадцать снарядов не попали в цель.

Семьдесят девять музыкантов, исполнявших симфонию, были не в концертных костюмах. Среди них было много военных, откомандированных с фронта. Дири-

жировал оркестром старейший музыкант Ленинградского радиокомитета Карл Элиасберг. Он был так худ, что фрак болтался на его плечах. Когда играли финал, весь зал поднялся. Мы не могли спокойно сидеть и слушать. Мы были потрясены. Потом на сцену поднялась девочка и вручила дирижеру цветы. Это было чудо — цветы в осажденном городе. Да, Ленинград оставался Ленинградом, несмотря ни на что.

Когда на одном из концертов исполнялась увертюра к опере Глинки «Иван Сусанин», никто в переполненном зале не знал, что концертмейстер виолончельной группы И. О. Брик играет, преодолевая боль. Накануне в дом, где жил профессор, попало семь зажигательных бомб. Брик участвовал в тушении и получил ожог пальцев.

Сборы со многих концертов поступали в фонд обороны.

Почти на каждом из них бывала поэтесса Вера Инбер. «Не могу без филармонии», — говорила она мне. — От недоедания так ослабела, что трудно добираться. А послушаешь классическую музыку, и легче». В ленинградской печати часто появлялись стихи Инбер, а позднее была опубликована книга «Почти три года» о людях блокадного Ленинграда.

Помню, декабрьским днем 1941 года, когда в центре города разорвалось более двухсот снарядов, в Академии художеств студенты защищали дипломные проекты. Один из выпускников Сергей Сперанский представил проект здания Библиотеки Академии наук СССР. Работа получила высокую оценку, демонстрировалась на выставке. Позднее я не раз встречалась с архитектором. Сергей Сперанский проектировал гостиницу «Ленинград» на набережной Невы, здание телецентра,

Дмитрий Шостакович.

телевизионную башню и ряд станций метро. Он один из создателей памятника героям обороны Ленинграда на площади Победы.

Все 900 дней блокады работал Театр музыкальной комедии. Когда основное здание повредила бомба, труппу перевели под прикрытие надежных толстых стен Академического театра драмы имени Пушкина. В этом великолепном памятнике архитектуры, созданном Росси, было солидное боембоубежище. Спектакли шли ежедневно. Часто блестящие княгини и графы, герои кальмановских оперетт выезжали на фронт с концертами. Они свободно владели пожарным инструментом, умели пользоваться не только винтовкой и гранатой, но и пулеметом.

Никогда не забуду премьеру «Раскинулось море широко». Авторы пьесы — защитники Ленинграда писатели Всеволод Вишневский, Александр Крон и поэт Всеволод Азаров.

Спектакль был назначен на шестнадцать часов. Фашисты тоже узнали о премьере и за час стали обстреливать улицы, ведущие к театру. Рвались шрапnellевые и фугасные снаряды, летели осколки кирпича. Зрители двигались к театру перебежками, прижимаясь к стенам. Когда оставалось всего несколько шагов до театра, меня взрывом свалило с ног. Но я быстро поднялась и добралась до входа.

Театр был полон. Под гул канонады и гром аплодисментов взвился занавес. В зале восемь градусов ниже нуля по Цельсию. Зрители сидели, плотно прижавшись друг к другу от холода. Скрипачи играли в перчатках. Смотрю на зрителей. Много военных — из новых частей и выздоравливающие из госпиталей. Медицинские сестры, рабочие.

Людям нужен был отдых, и в театре они, если можно так выражаться, попадали под «духовный душ».

Как военному корреспонденту мне приходилось бывать на фронте, на боевых кораблях. Артисты выступали там на импровизированных сценах, провожая бойцов в бой.

А как блокадный город слушал радио! Однажды я встретилась с пианистом Александром Каменским. Он рассказал, с каким трудом играл на радио Бетховена. В студии был такой холод, что обледенели клавиши рояля. На улице — минус сорок. Он пробовал играть в перчатках, но их примораживало. Тогда накалили два кирпича и положили с двух сторон, рядом с клавиатурой. И соната Бетховена зазвучала в эфире. Как и все ленинградцы, Каменский получал две граммосхемы хлеба в сутки.

Василиса КУЛИК-РЕМЕЗОВА.

Московские Новости № 15 14/IV-85?